

Л. И. Петрова (Санкт-Петербург)
Сюжет о Чурилье-игуменье в русском фольклоре

L. I. Petrova (Saint Petersburg)
The plot of Churilya the abbess in Russian folklore

Аннотация

В поле зрения автора – редкий сюжет о Чурилье-игуменье, представленный уральской сатирической песней из Собрания Кириши Данилова и вариантами севернорусской баллады. На основании прямых и косвенных свидетельств вносятся уточнения в представление о территории распространения последней. Выявляется генетическая связь фольклорных произведений о Чурилье-игуменье с широко распространенной на Русском Севере балладой «Василий и Софья».

Ключевые слова: русский фольклор, баллады, Кириша Данилов, Чурилья-игуменья

Abstract

In the author's sight is a rare story about Churilya the abbess, presented by the Ural satirical song from the Collection of Kirsha Danilov and variants of the northern Russian ballad. On the basis of direct and indirect evidence, clarifications to the understanding of the territory of distribution of the latter are made. The genetic connection of folklore works about Churilya the abbess with the ballad "Vasiliy and Sophia", widespread in the Russian North, is revealed.

Keywords: Russian folklore, ballads, Kirsha Danilov, Churilya the abbess

Сюжет о Чурилье-игуменье относится к числу редких. Впервые фольклорное произведение с таким заглавием, тождественным имени главной героини, мы встречаем в уральском собрании середины XVIII в. Кириши Данилова¹. Этот текст неоднократно перепечатывался, но сколь-нибудь существенному анализу со стороны исследователей не подвергался.

Разговор о нем фактически сводился к комментарию, аналогичному тому, что содержалось в издании 1977 г. «Древних Российских стихотворений, собранных Киришею Даниловым», подготовленном Б. Н. Путиловым и А. П. Евгеньевой:

¹ Горелов А. В поисках легендарного Кириши Данилова. Книга пути. СПб., 2011. Ч. II: Приложение с фотокопии оригинала сборника Кириши Данилова (собственно, с копии утраченного оригинала XVIII столетия), хранящегося в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). С. 349–353.

«Уникальная песня. Сюжет очень хорошо разработан. В песне ярко проявляется характерный для ряда текстов Сборника лукавый юмор, шутливый тон. Насмешка над монастырскими нравами соединяется в песне с явным шутливо-сочувственным отношением к ловкой Стафиде Давыдьевне, нарушающей нормы церковной морали»².

Текст «Чурилья-игуменья» включался во многие антологии баллад. Но с его жанровым определением составители были весьма осторожны: «Песня прекрасной сохранности. Веселый, шутливый тон указывает, что это произведение или, по крайней мере, редакция скоморохов»³; «Как и другие сатирические произведения из этого сборника, песня, возможно, восходит к традиции свадебных песнопений... Возможно, отсюда ее фрагментарность, нагромождение образов»⁴. Лишь Д. М. Балашовым текст Кириши Данилова атрибутирован достаточно определенно: «сатирическая антиклерикальная баллада, вероятно, XVI–XVII вв.»⁵. Назвать эту сюжетную песню балладой можно было лишь с некоторой натяжкой, поскольку в ней отсутствует столь необходимая для этого жанра драматическая развязка. Возможно, именно поэтому Д. М. Балашов (как, впрочем, и В. И. Чернышев) опубликовал текст Кириши Данилова под несколько иным заглавием: «Чурилья-игуменья и Стафида Давыдовна». При таком названии обнажается наличие внутреннего конфликта героев (хотя вроде бы и «снятого» в этом произведении), что составляет основу практически любого балладного сюжета.

Текст Кириши Данилова действительно уникален, вариантов к нему нет. Но в то же время есть все основания предполагать, что генетически сатирическая песня «Чурилья-игуменья» восходит к жанру баллады, конкретно – к балладе «Василий и Софья». Очевидной эта не совсем явная связь становится при обращении к текстам «Чурильи-игуменьи», зафиксированным на Русском Севере.

Исследователям они известны только по записям А. Д. Григорьева 1901 г. на Пинеге. В первом томе «Архангельских былин и исторических песен» собирателем опубликовано четыре текста под заглавием «Чурильё-игуменье»⁶, не считая двух вариантов начала одного из них, содержащихся в подтекстовках мелодий⁷.

² Древние Российские стихотворения, собранные Киришю Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. С. 456.

³ Русская баллада / Предисл., редакция и примеч. В. И. Чернышева. СПб., 1936. С. 449–450.

⁴ Молдавский Д. М. Народнопоэтическая сатира. Л., 1950. С. 416. Впрочем, суждение автора относительно «фрагментарности, нагромождения образов», присущих тексту, представляется нам по крайней мере спорным.

⁵ Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и комм. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963. С. 413.

⁶ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. СПб., 1904. Т. 1. № 25 (61), 29 (65), 32 (68), 62 (98). (Далее в тексте: Гр. 1, с указанием номера или страницы).

⁷ Там же. С. 669, 671. Пять строк напева к тексту № 25 (61) зафиксированы от М. П. Пашковой (причем подтекстовка в точности не совпадает с началом записанного от нее полного варианта). Две строки напева зафиксированы от мужа исполнительницы Лавра Пашкова, церковного старосты, «для сравнения его напева с напевом той же старины» (с. 671). К сожалению, полного текста от Лавра Пашкова А. Д. Григорьев не записал.

Не вызывает сомнений, что основа сюжета здесь тождественна балладе «Василий и Софья»: гибель двух влюбленных, отравленных поднесенным им «лютым зельем». Но есть и немаловажные отличия, часть которых так или иначе соотносима с «Чурильей-игуменьей» Кирши Данилова.

Как и в большинстве вариантов баллады «Василий и Софья», чувства влюбленных в пинежских текстах проявляются во время богослужения. Но место действия в них конкретизировано и сходно с названием монастыря в тексте Кирши Данилова: монастырь «Благовещения Христова». Все четыре записи А. Д. Григорьева начинаются однотипно: «У цюдного креста у Благовещенья...»

Почти (но именно «почти») идентичны и необычны для баллады о Василии и Софьи имена основных лиц конфликта: Чурилья-игуменья у Кирши Данилова и Чурильё-игуменьё в записях А. Д. Григорьева; Стафида в уральском тексте и народная «интерпретация» этого имени – Снафида в вариантах, записанных на Пинеге. Вряд ли здесь мы имеем дело с явлением случайного заимствования имен, что отнюдь не редкость для эпоса. Не принадлежат эти имена и к серии «кочующих» по разным эпическим сюжетам (подобно Авдотье, Апраксии, Омельфе и др.).

Менее явственная, но все же аналогия между разными сюжетами со сходным заглавием усматривается нами и в следующем. В двух пинежских вариантах «Чурилья-игуменья» встречается весьма оригинальный мотив, нехарактерный для баллады «Василий и Софья». Василий, в нарушение строгих церковных устоев, просит дать «Снафиды звонцяты гусли играть»:

Ешше пусть моя Снафидушка утешиться,
Да ишше пусть моя Давыдьёвна унёжитьсе!
(Гр. 1, № 25 (61))

Сродни этому – противоречащее монастырскому укладу поведение героини в тексте Кирши Данилова: «А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна <...> / Не твое-то дело тонць водить (т. е. петь, плясать, развлекаться. – Л. П.) / А твое бо дело Богу молитися, к заутрени итти».

Перенесение действия в монастырь и тождество имен действующих лиц дало основание исследователям, в частности А. М. Астаховой⁸, выделить особую – *пинежскую*⁹ – версию баллады о Василии и Софье.

Справедливо называя в качестве источников сюжета о Чурилье-игуменье балладу о Василии и Софье и «сатирическую балладу» из Собрания Кирши Данилова, Д. М. Балашов утверждал: «Баллада известна *только* на Пинеге, где, по-видимому, и была создана вряд ли ранее XVII в. (Пинега заселялась в XVI–XVII вв.)»¹⁰.

⁸ Былины Севера / Подгот. текста и комм. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 709–710.

⁹ Здесь и далее курсив наш.

¹⁰ Народные баллады. С. 381.

Некоторые уточнения вносит в своих комментариях к материалам А. Д. Григорьева Ю. А. Новиков: «На Пинеге, – пишет он, – сохранились не только старинные баллады, но и созданное на их основе *местное* новообразование “Чурилье-игуменье”. Это произведение генетически восходит к популярной балладе “Василий и Софья” <...> Все четыре варианта записаны в *нижнем течении реки*, где баллада о Василии и Софье не зафиксирована, в то время как на средней Пинеге ее не забыли <...> Другие детали *заимствованы* из сатирической песни “Чурилья-игуменья”».¹¹

Единодушное мнение исследователей относительно ограниченного *пинезским регионом* происхождения и бытования этой баллады на Русском Севере нуждается в определенной корректировке. Опираясь на тексты, записанные А. Д. Григорьевым, исследователи не учитывали факты, отмеченные собирателем в биографических заметках об исполнителях. А они существенно меняют картину географического распространения баллады о Чурилье-игуменье.

Так, от Новосёловой Оксении Федосеевны, жительницы д. Почезерье, стоящей «на левом берегу р. Пинеге, на тракте», А. Д. Григорьев записал с пения «три старины», в том числе и «Чурилье-игуменье». Но «старинам она научилась от своей покойной матери (“мамки”) Настасьи Михайловны, которая была взята́ замуж из д. Зимней Золотицы», где «и научилась там старинам у какого-то старика» (Гр. 1, с. 234).

В д. Чакола, также находящейся «на левом берегу р. Пинеге, при тракте», А. Д. Григорьев записал текст «Чурилье-игуменье» от Ошурковой Маланыи Федотовны, родом из Заозерья, расположенного в районе Северной Двины. Этим и другим «стихам», по ее выражению, она научилась «на вечеринках у своей сестры-старообрядки», которая «жила в пúстыне и научилась им там: в пúстыне старообрядцы песен не поют, а вместо них поют стихи» (Гр. 1, с. 296).

Разумеется, все наши выводы в какой-то мере всегда будут относительными, так как приходится исходить из материала, который был записан собирателями. А он не мог не быть выборочным в силу различных условий – объективных и субъективных. Кроме того, часто приходится опираться только на публикации. Очень много неизвестного материала находится в архивах. Так получилось и с сюжетом о Чурилье-игуменье.

Стал, к примеру, известен факт записи на Пинеге еще двух вариантов этой баллады, но уже не в нижнем, о чем писал Ю. А. Новиков, а в среднем течении реки. В 1935 г. Н. И. Рождественская зафиксировала один текст «Чурилье-игуменье» в д. Усть-Ежуга, а второй в д. Почезерье. К сожалению, найти сами записи пока не удалось. О них известно лишь по списку, составленному самой собирательницей и хранящемуся в Рукописном отделе Пушкинского Дома¹².

¹¹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: в 3 т. / Под. ред. А. А. Горлова. СПб., 2002. Т. 1. С. 661.

¹² РО ИРЛИ, р. V, к. 146, п. 14. 1, л. 50.

Среди материалов северных экспедиций Московского государственного университета нам встретился текст под заглавием «Про Василия и Снафиду»¹³. Он был записан в 1966 г. в д. Нюхча на Поморском берегу Белого моря от Петуховой Феклы Егоровны, 61 года, «почти неграмотной»¹⁴. Ни в одном из известных нам по публикациям вариантов баллады «Василий и Софья» не встречается имя «Снафида». Правда, запись А. В. Марковым этой баллады в д. Гридино (на Поморском берегу) в 1909 г. сопровождалась примечанием собирателя: «На Пертоозере (тоже Поморский берег. – Л. П.) я слышал от девушки “стих”, где вместо Софеи назвали Снафиду»¹⁵. Но что это за «стих», мы не знаем. Относительно же текста «Про Василия и Снафиду», записанного от Ф. Е. Петуховой, можно с полной уверенностью утверждать, что таким названием был обозначен сюжет о Чурилье-игуменье. Сама исполнительница поясняла содержание старины так: «Василий, должно быть, был старцем, а Снафида – монахиней. Они полюбили друг друга. Об этом узнала Чуринья-игуменья и решила их отравить. За зельем она отправила монахинь к лютой змее»¹⁶.

Сказывался «стих» исполнительницей с достаточно большими пропусками, остановками в процессе сказывания, о чем свидетельствуют многоточия в студенческой записи. Зная ранее много стихов и баллад, Фекла Егоровна, по свидетельству собирателей, «сейчас вспоминает из них только отдельные стихотворные отрывки»¹⁷. Однако принадлежность текста «Про Василия и Снафиду» сюжету о Чурилье-игуменье, повторим, не вызывает сомнений.

В отличие от других вариантов «Чурилье-игуменья», вариант, записанный в Нюхче, начинается с традиционного повествования о турах: «Туры, вы туры, да малы деточки / Где вы были, туры...» и т. д. Нам уже приходилось высказывать мнение, что на территории Западного Поморья «Туры» бытовали на правах не былинного зачина, а именно самостоятельного сюжета, близкого духовным стихам¹⁸. В балладе «Про Василия и Снафиду», записанной под таким заглавием от Ф. Е. Петуховой, этот сюжет представлен в контаминации с сюжетом о Чурилье-игуменье. Образ героини-отравительницы оказался включенным непосредственно в ткань повествования о турах, хотя включение это, во всяком случае на первый взгляд, не кажется столь уж органичным. В этом тексте эпизод

¹³ АКФ МГУ, ФЭ: 5356–5359. См. Приложение к настоящей статье.

¹⁴ В Приложении дана краткая биография исполнительницы.

¹⁵ Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 778.

¹⁶ АКФ МГУ, ФЭ-06: 5359.

¹⁷ Там же. 5351.

¹⁸ Петрова Л. И. «Туры» в эпической традиции Западного Поморья // Традиционная культура. 2016. № 3. С. 22–30. К сожалению, при написании статьи нам были известны всего 6 записей «Туров» на территории Западного Поморья. В архивных материалах МГУ мы обнаружили еще два текста, не считая записи от Ф. Е. Петуховой. Об одном из них будет упомянуто далее. Но этот дополнительный материал не только не противоречит, но подтверждает высказанное нами ранее мнение относительно бытования «Туров» в Западном Поморье.

с турами пересказывается повторно, но уже от лица Чуриньи¹⁹: «Тут спроговорит Чуринье-игуменье: “Были туры да на Святой Руси. / Вы видели, туры, уж вы слышали. / Там стояла церковь пресвященная”» и т. д. Повторяются отравительницей и те слова, которые являются заключительными во всех вариантах «Туров»: «Спроговорила игуменья Чуринья: “Не бывать тебе, вера, на Святой на Руси / Не видать тебе, вера, света белого!”»

До этого места текст наговаривался Ф. Е. Петуховой стихами. Далее следовал довольно резкий «прозаический» переход к основной части повествования: «А тут вроде замечали, вроде загуляли Василий со Снафидой». И сразу, вновь стихами, была продолжена речь Чуриньи, обращенная уже к монахиням: «Уж вы сорок девиц, сорок девственниц! / Вы сходите ко змеи во чисто поле» и т. д. Заметим, что в различных вариантах «Туров» как самостоятельного сюжета Евангелие выносит и хоронит в землю «красна девица» (или «девица, душа красная»), которая на самом деле оказывается Богородицей. В начальной же части текста «Про Василия и Снафиду», о котором идет речь, такие действия производит именно «девица, да девственница». Фактически только это выражение да включение в эпизод с турами Чуриньи-игуменьи в качестве действующего лица непосредственно связывает первую и вторую части данного балладного новообразования. Причем «склейка» двух сюжетов выглядит несколько искусственной, что, по всей видимости, свидетельствует о позднем ее происхождении.

Тем не менее именно в таком виде, вероятно, переняла текст Фекла Егоровна Петухова. По словам исполнительницы, этот «стих» «ей маленькой в голову бросился»: ее мать очень его любила и часто пела²⁰. Но не случайно первую часть межсюжетной контаминации сказительница помнила гораздо лучше, чем вторую, исполняла ее без каких-либо пропусков. На наш взгляд, это связано с тем, что сюжет о турах был весьма распространен в данной местности. В том же 1966 г. в той же д. Нюхче был записан студентами МГУ с пения от 83-летней Шилоносовой Феоктисты Михайловны текст «Туров», который исполнительница считала отдельным «стихом» и утверждала, что его «пели местные старухи в Великий и Филипповский посты»²¹.

Передавать *стихами* содержание второй (основной) части контаминации оказалось для исполнительницы труднее. Какие-то строки она вспоминала не сразу. Отсюда нарушение причинно-следственной связи в повествовании. В частности, сначала следовало обращение Чурильи к монахиням с требованием добыть яд и сам эпизод с добыванием яда у змеи. А затем уже (и то не сразу) – традиционный для баллады об отравлении влюбленных мотив-обоснование злодеяния Чу-

¹⁹ Употребление «Чуринья» вместо «Чурилья» вряд ли можно отнести к обмолвке исполнительницы или неточности восприятия «на слух» со стороны собирателей. С течением времени в процессе бытования баллады имя «Чурилья» вполне естественным образом могло замениться более понятным в крестьянской среде именем «Чуринья» (подобно Аксиньи, Маланы и т. п.).

²⁰ АКФ МГУ, ФЭ-06: 5356.

²¹ АКФ МГУ, ФЭ-06: 4763.

рильи: «Василий-то запел: «Ты подай, Господи!» / А Снафида-то запела: «Ты подвисься сюда!»». Тем не менее факт сохранения в памяти сказителей вплоть до второй половины XX столетия сюжета о Чурилье-игуменье и на Поморском берегу не вызывает сомнений.

В этой связи нельзя обойти вниманием и творчество такого писателя, как Борис Викторович Шергин, в произведениях которого нашли яркое отражение быт и культура Поморья, где столь устойчивы были традиции старообрядчества. Старообрядкой, как известно, была и мать Бориса Викторовича, от которой он перенял мотивы ряда старин. Среди текстов, исполнявшихся Б. В. Шергиным и записанных на магнитофон, когда ему было уже далеко за 70, имелась, в частности, «архангельская былинка-баллада» (по выражению самого писателя) под заглавием «Василий и Снафида». Основное действие в ней тоже происходит в монастыре, в роли отравительницы выступает Чурилья-игуменья, имя ее жертвы не Софья, а Снафида. Отсюда вывод: Б. В. Шергину был явно известен сюжет баллады о Чурилье-игуменье, ставший источником его творения. Но пропетый им текст – уже чисто художественное произведение, хотя и исполнявшееся автором на традиционный эпический напев. В нем переплетаются фольклорные образы и мотивы разных эпических текстов, причем в литературной обработке. Здесь много авторских привнесений, эффектных литературных «красивостей», наличествует та пространность в описаниях, которую не терпит жанр баллады. И начало произведения Б. В. Шергина («У синя моря да у студёнаво <...> там звонь идут да неумолчные»), и его окончание (обращение к синему морю «солоному», которое поит, кормит и «погребают» и «в край» которого «да во жёлты пески да во зыбучие» «схоронили» влюбленных) – проявление богатой авторской фантазии и его любви к Беломорью.

Вряд ли именно в таком виде писатель слышал эту балладу от сказителей. Но для нас важен сам факт, что он ее слышал. Известно, что в репертуар тех, кого Б. В. Шергин относил к числу своих учителей в усвоении фольклорной традиции, входила в том числе баллада «Василий и Снафида». Мы не знаем, к сожалению, что это были за тексты. Но зато знаем имена сказителей. В газетной публикации 1916 г., состоящей из четырех эпических произведений (включая текст «Василий и Снафида»), автор указывал, что выучил их еще в детстве от двух певцов: архангелогородца старовера П. О. Анкудинова и крестьянина д. Заостровья, расположенной в низовье Северной Двины, П. Н. Бугаева²². Слышал Б. В. Шергин интересующую нас балладу и от Н. П. Бугаевой²³, заостровской крестьянки, долгое время проживавшей в семье Шергиных и оказавшей серьезное влияние на его творчество.

²² Б. Ш. Былина в Архангельске // Архангельск. 1916. 17 янв., № 13; 22 янв., № 17; 24 янв., № 19.

²³ В письме к Ю. М. Соколову Б. В. Шергин, в частности, писал: «Старины вроде “Снафиды” Н. П. пела, когда “госну́ло на́ сердце”. Конечно, мелодия была печальной» (Иванова Т. Г. Письма Б. В. Шергина к Ю. М. Соколову // Русская литература. 1984. № 4. С. 162).

Итак, известные нам на сегодняшний день материалы позволяют утверждать, что происхождение и бытование баллады «Чурильё-игуменье» не является узко локальным, местным новообразованием, тем более ограниченным нижним течением р. Пинеги. Этот сюжет, судя по записанным текстам, а также ряду косвенных свидетельств, входил в состав эпического репертуара не только Пинежья, но практически всего Поморья: он был известен и на Зимнем, и на Летнем, и на Поморском берегах Белого моря. Не исключаем, что в архивохранилищах могут быть обнаружены и другие записи, которые внесут определенные коррективы в сказанное.

Весьма примечательна концовка этого сюжета. Заключительным аккордом баллады «Василий и Софья» является мотив сплетающихся на могилах влюбленных деревьев – как символ их духовной победы. Тексты о Чурилье-игуменье завершаются иначе – видением будущего: Цюрелью предречено пребывание в аду, а Василию и Снафиде в раю. А. М. Астахова усматривала в этом выражение сочувствия к влюбленным²⁴. Но, думается, акцент здесь делается на другом: неизбежности Божьего суда, загробной участи праведников и грешников (подобно концовке духовного стиха о двух Лазарях или стиха «О грешной душе»). Только в одном из вариантов баллады о Чурилье встречается мотив сплетающихся деревьев на могилах влюбленных. Но и здесь этот мотив не является ни завершающим, ни ключевым в повествовании. Свершившееся чудо пугает Чурильё, вынуждая идти спрашивать его истолкования у старца:

Тут уцюл Цюрильё-егуменье.
Он пошёл-то ко старьцю в келейку:
«Уж ты старець, да старець в келейки!
Що же тако цюдо цюдилосе?»
(Гр. 1, № 25 (61))

В двух вариантах Цюрильё также страшится содеянного и кается, вызывая ассоциации с покаянием грешной души перед Богом в духовных стихах:

Тут-то Цюрильё ужакнулось,
Игуменье убоялось.
Пошло Цюрильё в келейку:
«Ой еси, Павел, в келейки!
Що я, Цюрильё, сделала,
Що я, гуменье, стрезила?
Две души я погубила:
Одну душу безгрешную,
А другу душу понапрасну!»
(Гр. 1, № 62 (98))

²⁴ Былины Севера. Т. 2. С. 709.

Но это более похоже не столько на раскаяние, как в заключительных строках одного из вариантов баллады «Василий и Софья»²⁵, сколько на страх Божий.

Такого рода концовка если не снимает, то по крайней мере сглаживает антиклерикальный характер баллады, на который указывали практически все исследователи. Можно заметить, что, хотя действие и перенесено в монастырские стены, но злодеяние совершается существом как бы вынесенным за его пределы:

У цюдного креста у Благовещенья
Не было попа да всё не дьякона,
Не было большого да запевателя²⁶;
Было сорок девиць да со девицею,
Было сорок робиць да со робицею;
Тут было-жило Цюрильё-игуменьё...
(Гр. 1, № 25 (61))

У цюдного креста у Благовешения,
Да ише не было попа да всё ни дьякона,
Ише не было большого запевателя;
Да тут жило-было Цюрило-игуменьё...
(Гр. 1, № 29 (65))

Вместо матери одного из влюбленных (сюжет о Василии и Софье), здесь отравительницей, вернее, отравителем является во всех вариантах баллады, как и в ее названии, «*Чурильё-игуменьё*»: «Тут *уцюл-то Цюрильё-игуменьё*» (Гр. 1, № 25 (61)), «Ишшэ тут *нашо Цюрильё испугалосе / Да свет игуменьё да перепалосе, / Побежало-то к Павлу в келейку*» (Гр. 1, № 29 (65)), «*Пожило-было Цюрильё-игуменьё*» (Гр. 1, № 32 (68)) и т. п. Лишь в самом позднем по времени записи, уже частично «разрушенном» варианте (см. публикуемый в Приложении текст «Про Василия и Снафиду») *наряду* с мужским или средним родом употребляется женский: Чуринье-игуменье и игуменья Чуринья.

Как следствие, возникают ассоциации с эпическими врагами-иноверцами, противниками веры христианской (это и былинное «Чудище проклятое», засевшее в Царь-граде, и Калин-царь, и Царице Кудреянице из духовного стиха о Егории). В таком контексте соединение сюжета о Чурилье-игуменье с сюжетом

²⁵ Калики перехожие: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. Вып. 1. С. 697–698. Текст был записан П. Н. Рыбниковым в г. Пудож от неизвестной женщины. По справедливому замечанию П. А. Бессонова, конец его «переходит к другого рода стихам», т. е. к стихам духовным. Дополнение этого текста мотивом покаяния злодейки-матери, не только погубившей влюбленных, но и уничтожившей деревья, выросшие на их могилах, – явное индивидуальное привнесение исполнительницы.

²⁶ Отметим, что 2 и 3 начальные строки сходны с теми, что повторяются, но совершенно в другом, «комическом», контексте у Кириши Данилова: «Промежу собой девицы усмеваются: / Нет у них дьяка-запевальшика, / Стафиды Давыдьевны, понамаря Иванушки».

о турах выглядит вполне оправданным. Напомним, что в контаминированном тексте Ф. Е. Петуховой в уста Чурины вложены и кульминационные строки «Туров» («Не видать тебе, вера, на Святой на Руси / Не видать тебе, вера, света белого!», аналогичные тем, что повторяет в духовном стихе о мучениях Егория царичё Демьянищё: «Не бывать Егорью на Святой Руси / Не видать Егорью свету белого»²⁷.

Учитывая все сказанное, кажется вполне возможным говорить о *старообрядческой* разработке сюжета об отравлении влюбленных, оформившейся в балладное новообразование «Чурилье-игуменье». Генетически оно, безусловно, восходит к балладе «Василий и Софья», но сложилось явно под влиянием одноименной (почти одноименной) сатирической песни Кириши Данилова.

В свою очередь сюжет последней можно рассматривать, на наш взгляд, как своего рода антитезу сюжета той же баллады, «сближению» с которой способствовали присущие ей элементы «противоцерковной направленности».

В тексте Кириши Данилова, сатирически отображавшем монастырский быт, многое, как нам видится, построено на своего рода противопоставлении основных понятий, мотивов и образов баллады «Василий и Софья».

Так, само имя «жертвы» в «Чурилье-игуменье» (Стафида) оказывается фонетически созвучным, хотя и отдаленно, имени Софья. Но если последнее ассоциируется со строгостью и мудростью, то необычное «Стафида» – со сладостью, наслаждением.

В «Чурилье-игуменье» нашел отражение один из основных сюжетобразующих мотивов баллады о Василии и Софье: жила вдова, у которой было много (7, 30, 40 и т. д.) дочерей, ходивших «спасаться» по Божьим церквям и певшим на клиросах. Софья среди них оказалась «отступницей». В произведении Кириши Данилова нет вдовы-отравительницы. Но есть «сорок девиц», и «другá сорок», и их «сметы нет», идущих к заутрени, становившихся петь «по крылосам», кроме Снафиды. Противопоставление всех девиц-праведниц одной здесь также налицо.

Присутствует в тексте Кириши Данилова и эпизод с предложением выпить одному из участников действия «зелена вина», но не с целью отравить, а с целью задобрить. Злодеянию противопоставлена хитрость. Героиня, на которую направлен гнев игуменьи, из жертвы превращается в победительницу. И победа эта вовсе не исключительно духовная. Концовка «Чурилье-игуменьи» прямо противоположна концовке баллады «Василий и Софья»: «Чурилья-игуменья <...> доехала ко Стафидины кельицы, / И взяла с собою питья добрыя, / И стала ее лечить-поить».

Думается, здесь мы имеем дело со скоморошьей трактовкой, песенной скоморошьей разработкой сюжета баллады «Василий и Софья».

Итак, есть все основания предполагать, что уральская «Чурилья-игуменья» Кириши Данилова и варианты «Чурилье-игуменье», записанные на Русском

²⁷ Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики / Под ред. А. А. Горелова. Л., 1990. Вып. 3. С. 198.

Севере, имеют общий источник. Генетически они восходят к старейшей и популярнейшей балладе о гибели влюбленных. Но разработка сюжета происходила в зависимости от той среды, в которой эти произведения устной традиции бытовали.

Приложение

Про Василия и Снафиду

- «Туры, вы туры, да малы детоцки!
Где вы были, туры, да куды летали?» –
«Мы были, туры, на синем на мори». –
«Что вы видели, турь, да что вы слышали?» –
- 5 «Уж вы¹ видели, туры, уж вы¹ слышали:
Там стояла стена белокаменна,
Из-под той да белой стены да белокаменной
Выходила девица, да девственница,
Выносила она книгу Евангелие,
- 10 Хоронила она эту Книгу во сыру землю.
Она плакала над Книгой, обливалась:
“Не бывать тебе, Книга, на Светой Руси,
Не видать тебе, Книга, свету белого,
Свету белого, солнца красного!”».
- 15 Тут спрговорит Чуринье-игумень:
«Были туры да на Святой Руси.
Вы видели, туры, уж вы слышали:
Там стояла церковь пресвященная,
Стояла ограда белокаменная,
- 20 Из-под той ограды белокаменной
Выходила девица, да девственница²,
Выносила веру христианскую,
Сама плакала над верой, убивалася,
Хоронила она ту веру во сыру землю!»
- 25 Спрговорила игуменья Чуринья:
«Не бывать тебе, вера, на Святой Руси,
Не видать тебе, вера, света белого!»
(А тут вроде замечали: вроде загуляли Василий со Снафидой).
«Уж вы сорок девиц, сорок девственниц!
- 30 Вы сходите ко змеи во чисто поле.
Загорится у змеи да куст ракитовый,
А вы скинете с ноги по портеночке –
Затушите у змеи да куст ракитовый.
Вы возьмите у змеи зелья лютого,

- 35 Зелья лютого, да зелья разлучного.
Вы попойте-тко Василя со Снафидою!
Василий-то попьет – да Снафиде поднесет,
Снафида попьет – да Василью поднесет»
.....
Василий-то запел: «Ты подай, Господи!»
- 40 А Снафида-то запела: «Ты подвинься сюда!»
.....
Василя хоронили под право крылесо³,
А Снафиду хоронили по лево крылесо.

АКФ МГУ, ФЭ-06: 5356–5359 (беловая рукопись). Зап. Е. И. Токаревой и Н. Б. Юдиной в 1966 г.: д. Нюхча Беломорского р-на КАССР – от Петуховой Фёклы Егоровны, 61 г.

Примечания к тексту: ¹ Ошибочно вместо *мы*. ² Конечная буква в слове прописана не совсем четко, но скорее это *я*, чем *а*. ³ Искаженное от *клирос*.

Биографические сведения об исполнительнице

(Составлены по материалам АКФ МГУ, ФЭ-06: 5351-5353)

Ф. Е. Петухова родилась в Нюхче и далеко из своей деревни не выезжала. По ее словам, в школу она ходила только одну зиму. От матери слышала много «стихов»: в частности, баллады «Насильственное пострижение», «Князь, княгиня и старицы», духовные стихи «Два Лазаря» и «Вознесение Христа». Все эти «стихи» Ф. Е. Петухова прежде пела, но теперь стала забывать. От своей матери и на деревенских вечерах научилась песням и «вопам» (причети). Известной причетницей была свекровь Фёклы Егоровны, но от нее, по словам исполнительницы, она мало чему научилась.

К своему репертуару Ф. Е. Петухова относилась придиричливо, пела только те песни, которые ей нравятся. Так, например, она не стала исполнять собирателям «Виноградье», потому что «у “Виноградья” припев надоедает». Сказок не знала: «Песни-то было пели, а сказки – те вранье, кто хошь сочинит». В колдовство верила, с удовольствием слушала рассказы о чудодейственной силе заговоров. Но сама заговоров не знала, говорила, что не от кого было научиться. К тому же была убеждена, что всякий заговор – колдовство и грех.

Кроме текста «Про Василя и Снафиду» от Ф. Е. Петуховой студентами были записаны в 1966 г. баллады «Муж губит свою жену», «Моряночка», «Вдова Пашица», рассказ о «хухольниках» – ряженных (во время Святков), некоторые сведения о свадебном обряде.

Литература

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. СПб., 1904. Т. 1.

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: в 3 т. / Под. ред. А. А. Горелова. СПб., 2002. Т. 1.

Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002.

Былины Севера / Подгот. текста и комм. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2.

Б. III. Былина в Архангельске // Архангельск. 1916. 17 янв., № 13; 22 янв., № 17; 24 янв., № 19.

Горелов А. В поисках легендарного Кирши Данилова. Книга пути. СПб., 2011. Ч. 2.

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.

Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики / Под ред. А. А. Горелова. Л., 1990. Вып. 3. С. 180–218.

Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. Вып. 1.

Молдавский Д. М. Народнопоэтическая сатира. Л., 1950.

Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и комм. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963.

Петрова Л. И. «Туры» в эпической традиции Западного Поморья // Традиционная культура. 2016. № 3. С. 22–30.

Русская баллада / Предисл., редакция и примеч. В. И. Чернышева. СПб., 1936.